

ШОМЕН

Король, однако, не стал долго возиться с узлом. «Неважно – сказал он – каким образом я его расплету» – и мечом разрубил все ремни. Так он толи посмеялся над предсказанием, толи исполнил его¹.

Квинт Курций Руф, «История Александра Великого Македонского» .

Кири отоши – это особенная техника. Один из вариантов ее выполнения можно увидеть в «Семи самураях». В этом фильме Кurosавы есть персонаж по имени Кюдзо – тихий японский воин. Сначала он сражается деревянным мечом. Когда противник нападает, Кюдзо незаметно сходит с линии и почти одновременно сам наносит удар. И потом спокойно объясняет, что просто был быстрее и поэтому выиграл. Его враг в данном случае является символом нетерпеливости и самоуверенности. Из него хлещет агрессия и нежелание смириться с поражением. Он настаивает на повторном выполнении формы – уже с настоящими мечами – и погибает.

Эта сцена очень точно иллюстрирует японскую концепцию полного соединения физического приема, внимания и концентрации, которые вступают во взаимодействие в нужный момент. Выполнение техники занимает буквально секунду. Но эта секунда вмещает в себя долгие годы тренировок и медитации, позволяющей контролировать стресс и принимать его, принимать смерть, риску которой ты сознательно себя подвергаешь. Вся жизнь, прошлое и будущее, – все взрывается в одну секунду, словно сверхновая звезда.

---

¹ Квинт Курций Руф, «История Александра Великого Македонского»

Для меня кири отоши – это определение школы Чибы Сэнсэя. Это суть его жизни, характера, стремлений. Секунда магии, ужаса и истины. Мы стоим друг напротив друга. Концы наших мечей соприкасаются, и благодаря этому контакту я чувствую малейшее движение мышц противника. Левой ногой шагаю вперед. Чтобы сохранить безопасную дистанцию, он делает шаг назад. Оба поднимаем мечи над головой. Я – чтобы открыть свои руки. Он – чтобы атаковать и воспользоваться этой открытостью. Противник нарушает дистанцию и, шагнув вперед правой ногой, наносит удар сверху по моим рукам и голове. Удар, который должен убить. Удар, в котором заключена сила и сотни повторений. Это легендарный шомен – прием, который мы повторяем годами и который будет проявляться во всем, что мы делаем: иайдо², айкидо, практиках с оружием. Когда меч противника опускается в ударе, я делаю шаг назад, не убирая корпус. Поворачиваю бедра, и меч проскальзывает в нескольких сантиметрах от моей головы. Одновременно обрушивается мой удар. Двигаясь практически по той же самой траектории, мой меч соединяется с клинком противника и съезжает по нему. Разница угла сталкивает его удар. В конце мой клинок мощно бьет в гарду меча (по-японски «цуба»). Меч атакующего уходит в сторону, а его тело оказывается незащищенным. Человека, выполняющего эту технику, мы называем тори, атакующего – уке. Уке работает над ударом, который должен быть настоящим и честным. Большинство из нас, несмотря на многолетний опыт тренировок, боится ударить – рукой или мечом – другого человека. И только доверие к возможностям партнера позволяет подняться на тот уровень, где техника оживает. Тори должен открыть перед нападающим руки и голову. И сделать это так, чтобы дистанция не увеличилась и не уменьшилась. При правильном выполнении приема ты буквально ощущаешь на лице движение воздуха, когда меч противника пролетает возле твоей головы. В этом приеме скрыто столько технических нюансов, что когда кто-то его выполняет, сразу виден его уровень. Здесь, так же, как и в иайдо, не возможно никого обмануть и ничего не происходит случайно. Основа работы обоих партнеров – магический, проклятый шомен. Простой вертикальный удар.

Шомен – это, собственно, и есть удар мечом по голове. Базовая техника динамичной атаки в айкидо, идущая от изначальных методов работы с мечом. Шомен позволяет оценить человека, так же, как по зубам можно оценить коня. Достаточно поднять меч над головой – а потом опустить. Все.

---

² Иайдо – искусство извлечения меча.

Это движение повторяют с посохом дзё, боккэном, мечом и – в некоторых интерпретациях боевых техник – голыми руками. Тысячи раз. В главном русле нашего вида единоборств к оружию относятся с пренебрежением, поэтому отсылки к работе с мечом носят чисто теоретический характер. Я пришел именно из этого русла, и оказалось, что в мире Чибы Сэнсэя оружие имеет временами большее значение, чем само айкидо. В оружии скрыты те буквы и слова, из которых с помощью айкидо ты создаешь поэзию. Не наоборот.

Сэнсэй добивался глубинного понимания движения именно через шомен. Мы повторяли его без конца. В группе, поодиночке, с любым возможным видом оружия и без него. Принципы всегда были одинаковыми. Вытягивание – широкое движение и расслабление верхней части тела. Это было моим проклятием. Я был сильным, но плечи оставались зажатыми. Годами тренируясь с напряженными руками, я нарастил на них мышцы. Тело научилось прятаться за силой – и если меня не контролировал учитель, я все время повторял одну ту же ошибку. Удар, как тот проклятый спуск тетивы у Херригеля³, – должен происходить сам собой. И единственным путем к

---

3 О. Херригель «Дзен и искусство стрельбы из лука».

пониманию этого являются тысячи повторений под присмотром наставника. Мышцы держатся в напряжении так долго, как могут – но в конце концов расслабляются, и один из тысячи ударов выходит правильно. Мы стояли, расставив ноги на ширину более метра. По кругу. Поднимали меч над головой и, сгибая колени, обрушивали удар вниз, а выпрямленная верхняя часть тела еще сильнее нагружала растянутые мышцы ног. Удары мы выполняли одновременно, по очереди считая до 10 на японском. Я ненавидел шомен. Моя правая рука накрывала удар, а плечи все время задирались. Меч я держал слишком слабо, а линия удара получалось кривой и неуверенной. В технике проявляется все. Айкидо, приведенное к простому удару или шагу, демонстрирует твою слабость и неуверенность. Беспощадно раскрывает искусственность твоей маски, силы, контроля, высмеивает неосознанные привычки тела и всякую мишуру, которую мы по глупости навешиваем на эту елку.

Шли месяцы, а я долбил шомен – сотни и тысячи раз. Каждый день в додзё я в одиночестве вставал перед зеркалом и делал как минимум пятьсот ударов для очистки совести. Это не много, но достаточно, чтобы по крайней мере заглушить ее голос. Неправда, что можно внезапно разобраться в приеме и потом выполнять его чисто. Время от времени проскакивает одно правильное выполнение, но большую часть времени на каждой тренировке ты пробиваешься сквозь разные этапы отсутствия контроля. Недели, месяцы, годы ты идешь по той же самой дороге, преодолевая усталость, оупение, скуку от повторения одного и того же элемента. Начинаешь злиться на самого себя. Понимаешь, насколько примитивны шаблоны, которыми руководишься. Ежедневно крутишься в чередке тех же самых мыслей, перескакивая с одной на другую, словно со льдины на льдину. Тело становится сильным. Чем хуже твой шомен, тем ты сильнее, поскольку движение, которое должно было происходить само собой, выполняется с помощью напряжения мышц – как толкание штанги в спортзале. И ты должен еще и еще повторять это движение, чтобы он стало естественным.

Я приезжал в Америку на несколько месяцев – на столько позволяла моя виза. Потом возвращался в Польшу. Помню, как-то раз я прилетел в Сан-Диего после полуторагодового перерыва. Началась тренировка иайдо, и мы, как всегда, выстроились в круг. Шомен был моей навязчивой идеей; в Польше я практиковался месяцами, чтобы, наконец, начать понимать его.

Сэнсэй ходил по кругу, держа на плече фукуро-синай⁴, и смотрел. Нас было несколько человек, и каждый громко считал по-японски до десяти. Вдруг, после нескольких сотен повторений, когда по нам уже тек пот и мы громко сопели, Сэнсэй остановил нас и вызвал меня. Сказал выйти перед всеми и показать шомен. Остальные опустили оружие и уселись, радуясь возможности передохнуть. Во мне проснулась надежда на то, что я-таки понял. На тот момент моя гонка в стремлении довести шомен до совершенства длилась около двух лет, и это был самый подходящий момент для того, чтобы мастер дал мне знак, что я иду в нужном направлении. Один за другим я выполнил около двадцати ударов. Тогда он приказал мне остановиться и обратился к остальным:

- Это самый плохой шомен, который я видел в жизни. Твержу ему несколько лет, чтобы расслабился и перестал контролировать – тут он повернулся ко мне с гримасой разочарования. – Ты сосредоточен на правой руке и ничего с этим не пытаешься сделать. Просто тратишь мое время.

Мне было тридцать лет и обидеть меня было непросто. Тренировка с Сэнсэем быстро излечивала раздутое эго. Оно трансформировалось в агрессию и энергию, которые выливались в техники и в завуалированное – в той или иной степени – соперничество. Поэтому он мог сказать что угодно о моем характере, внешнем виде, бог знает о чем еще, но не о шомене – в него было вложено множество часов и тысячи проб... Было больно, но именно в этот момент до меня наконец что-то дошло – я впервые действительно увидел, как правая рука и плечо работают в момент удара, как закругляются и неестественно выгибаются плечи. Тут, конечно, здорово было бы сказать, что с этого момента все изменилось, и мой шомен стал правильным, но так не бывает. Жизнь – это не сказка, и вот уже пятнадцать лет я ежедневно бьюсь над шоменом. Если не делать этого регулярно, все забывается. Ты будешь словно Сизиф, который упустил свой камень. Придется оторвать задницу и слезть со своей горки, чтобы начать все сначала.

Есть одна прекрасная притча о парне, который учился рассказывать истории. Мастер приказал ему выучить одну историю и повторять ее каждый день. Он

---

⁴ Фукуро-синай – расщепленный бамбуковый шест, обмотанный кожей. Используется для контактных приемов в некоторых школах работы с мечом.

никогда не был доволен и замучил ученика сотнями повторений. Ему все не нравилось, и в конце концов после многих лет ученик отказался от дальнейших попыток и покинул учителя. Однажды, голодный и замерзший, он оказался в карчме, где как раз проходил конкурс рассказчиков. Терять ему было нечего, и он рассказал слушателям ненавистную историю. Победа досталась ему, и толпа еще долго заливалась слезами. Все были в восторге, однако он видел только то, что сделал плохо. В этой красивой – хоть и наивной – легенде, заключена основополагающая истина. Речь идет только о моих возможностях и границах – а не о том, лучше я кого-то другого или хуже. В этом мире мы лавируем между банальностями, которые слышим всю жизнь, но лишь изредка во вспышке озарения они действительно начинают обретать значение. В тот день я чувствовал себя сильным и уверенным. Стаж и технический уровень партнера – моего ровесника – были такими же, как у меня. У нас было хорошее оружие, крепкие гарды, взаимопонимание и контакт. Мы начали осторожно; потом, почувствовав себя в безопасности, действовали все быстрее и мощнее. Мы оба не представляли угрозы друг для друга, и хотя техники были довольно крутые, никому не было нанесено серьезного вреда. Нас это подзадорило еще больше и мы увеличили темп. Для меня это был момент восторга перед техникой, которая понемногу раскрывалась передо мной. Мои удары становились все мощнее, и меня переполняло удовольствие. Я радовался своей силе и уверенности. Мой тяжелый и толстый боксёр с громким стуком бил по гарде партнера. Не знаю, когда передо мной вырос Чибэ Сэнсэй. Должно быть, он следил за нами и решил проверить, не кроется ли за этим фасадом нечто подлинное. Помню, что он оттолкнул моего партнера и встал напротив.

– Сделай это со мной – сказал он со странным взглядом.

Сначала я подумал, что это он будет показывать технику, но оказалось, что он хотел атаковать. Я чувствовал возбуждение и полную готовность. Мы подняли мечи, и только тогда я заметил, что на его – нет гарды. Ладони Чибэ сенсея оставались открытыми и если бы я ударил хотя бы в половину той силы, что раньше, то сломал бы ему все пальцы. Он атаковал без промедления. Совершенно разбитый, я ударил вбок, совершая примитивнейшую ошибку. Он взглянул на меня.

– Обо мне не беспокойся, бей по-настоящему! Я справлюсь.

Следующий удар я выполнил правильно, но явно слишком медленно и

поздно.

– Сильнее! – рявкнул он и поднял оружие.

В моей голове проносились десятки мыслей. Это мой учитель, я не могу его ударить, если ударю, причиню ему вред. Ему больше шестидесяти лет, я не могу, просто не в состоянии. Он стоял там, с мечом над головой и смотрел спокойно и холодно, как рассыпается все, что еще две минуты назад казалось мне уверенностью и силой. Он бил, а я все портил. Руки тряслись, техника пропала и мне снова было восемь лет. Он остановился, глянул на меня, скривился и отошел. Несколько дней после этого я не мог спать. Все продолжал думать, как нужно было поступить.

Концепция, в которой ученик был бы в состоянии нанести вред учителю, столь нелогична, что я никак не мог найти хоть какое-то объяснение этому инциденту. Неужели он, как Акела⁵ должен был по закону джунглей погибнуть, убитый волком из его же стаи? Я был зол на себя. Меня пугал этот моментальный скачок от ложного ощущения уверенности в себе до

---

⁵ Акела – вожак стаи волков в «Книге джунглей» Р. Киплинга

состояния трясущегося желе, неспособного доминировать в столкновении с пожилым человеком. Шли годы, а игла по-прежнему колола; сотни раз я заново переживал тот момент. Иногда бил по-настоящему и со страшной силой, иногда швырял боккэн на камизу. Иногда – просто кричал. Рационального решения не существовало, но тогда я еще не знал этого. Прошло пять лет. Каждый год я приезжал в Сан-Диего на несколько месяцев. Все реже и реже, и с каждым разом – на более короткий срок. Наконец, Сэнсэй согласился приехать в Польшу. Шел 2007 год. На мате – 200 человек. Семинар длился уже несколько дней, когда на тренировке с оружием Сэнсэй при всех проделал то же самое с одним из инструкторов, французом. Тот, как и я пять лет назад, совершенно развалился. На той тренировке мы использовали фукуро-синай. Спектакль психологического уничтожения француза я наблюдал из третьего ряда, сидя в сэйдза. Я был одним из двухсот человек в зале. И пока я смотрел на происходящее, та история вернулась ко мне – все бессонные ночи, сомнения и злость. Внезапно звуки затихли, а люди вокруг исчезли. Я чувствовал только усиливающееся биение сердца. Рука инстинктивно схватила лежащее подле оружие и стиснула так, что бамбук закрипел. Сэнсэй закончил с французом, и повернулся к толпе. Во мне все кричало. Я тут. Я готов. Теперь. Я дышал глубоко и спокойно, уверенный в том, что должно произойти, хотя это было абсолютно бессмысленно. Он долго блуждал взглядом по морю голов, словно ища кого-то. Я знал, что он ищет меня. А может, его притянула моя уверенность? Он посмотрел на меня и кивнул головой. Все произошло как во сне. Помню только, что был спокоен, будто бы смотрел на себя стороны. Кроме нас никого не существовало, и я шел, чтобы умереть или убить. Обычно, выходя к нему на середину зала в качестве уке, все свое позерство – меньшее или большее – отбрасываешь. Еще долго потом я пробовал понять, что же тогда произошло. Кроме абсолютной готовности во мне было огромное безразличие. Я выполнил кири отоши четыре раза, очень сильно и точно попадая ему по руке.

Я чувствовал покой и силу, но не поддавался ей. Мне было абсолютно все равно, ударит ли он меня или я его. Прием выходил стабильным и уверенным. Без чувства вины, страха или возбуждения. Я поклонился и вернулся на свое место. Это был момент настоящей гармонии. Момент прикосновения к истине – и я был в восторге от этого. В тот же день, во время торжественного ужина для учителей, Чибэ Сэнсэй встал с бокалом в одной руке и показал всем другую. Между указательным и большим пальцем

красовался солидный синяк. Указав на меня, он произнес:

- Сегодня он четыре раза ударил меня в одно и то же место. Очень хорошо.

И, кажется, в его глазах была гордость. В этом нет логики. Такой опыт выходит за границы морали или рационального мышления. Еще раз: подлинная суть взаимоотношений учителя и ученика – вне интеллектуального подхода. Я пережил не слишком много подобных моментов. Но они сильно выделяются из сотен других тренировок с Сэнсэем. И пройдут годы, прежде чем я пойму их смысл. Если вообще пойму.

КУХНЯ

*Йола: Когда я сдавала на права, инструктор сказал:
«Вы должны ездить так, как будто все вокруг хотят вас убить».*

Шу: «У тебя был хороший инструктор»⁶.

Каждый день, закончив последнюю тренировку, я спешил в свою комнату. Нужно было привести в порядок одежду, убрать со стола и приготовиться на случай, если Сэнсэй захочет остаться с нами. Я ставил для него миску с какими-нибудь орешками или острыми японскими чипсами. Прятал возле угловой ножки стола

пепельницу. Он дымил как дракон и стеснялся этого. Неохотно рассказывал, что начал курить в четырехлетнем возрасте, собирая окурки во время войны. Мать поймала его на этом и всыпала так, что он вернулся к курению только будучи подростком.

У японцев его поколения не было четкого определения зависимости от дурных привычек. Употребление алкоголя или курение не считалось проявлением слабости. Обычно Чибя пил красное вино, поэтому я ставил поблизости бокал и держал наготове бутылку. Если он хотел сразу отправиться домой, то все это я убирал обратно.

Мы сидели на дзафу – подушках для медитации. Комната была маленькой, может, три на девять метров, но все равно в ней умещалось человек пятнадцать.

Там стоял японский стол, высотой около полуметра. Все сидели вокруг него в сейдза, на собственных ступнях, потихоньку меняя позицию на более удобную. Пока здесь находился Сэнсэй, никто не разваливался и не опирался

⁶ «Великий Шу», 1983 г., Реж. С. Хенчинский

руками о пол. Вместе с ним в комнате появлялась атмосфера тренировки, напряжение и дискомфорт. Счастливые гости со всего света усаживались вокруг него и разыгрывали перед нами одно и то же надоевшее нам представление. Приезжали сюда – как и я – отчасти для того, чтобы побыть рядом с ним несколько дней, а потом рассказывать об этом всю свою жизнь. Несмотря на распространенное мнение, Сэнсэй был умелым политиком; человеком, жаждущим славы и аплодисментов. Как каждому, кто посветил свою жизнь чему-то уникальному и учился только одной вещи, ему требовалось подтверждение этих радикальных жизненных решений. И вот – они болтали, а он добродушно смеялся и кивал. Весь этот спектакль казался нам примитивным и непонятным. Это было похоже на званый обед в доме алкоголика, который умыл и нарядил своих детей, а теперь мило хохочет с дальним родственником, имитируя счастливое семейство. Но дети-то знают, что к чему, и, несмотря на засахаренную атмосферу счастья, не приближаются к отцу на расстояние вытянутой руки. Да и он тоже, когда родственник не видит, посылает им испепеляющие взгляды: «Ну, погодите только, пока все уйдут».

Гости прекрасно проводили время. Они сидели рядом с легендой. Разговаривали и могли спросить о том же, о чем спрашивали все. «Как ты начал тренироваться?» «Каким был Уесиба Сэнсэй?» Независимо от того, откуда они приехали, если повисала тишина, все чувствовали себя неудобно и по всей видимости полагали, что должны заполнить ее глупыми вопросами. Он же всегда отвечал (если только вопросы не были совсем уж идиотскими), поражая нас своим терпением. Не дай бог, чтобы вопрос задал бы кто-то из нас. Мы были тут не для этого; максимум, что можно было получить в ответ, это «бака» («дурень» по-японски). Когда гости исчезали, атмосфера абсолютно менялась. Мы весь вечер сидели в тишине. Сэнсэй умел моментально перейти в наступление, критикуя всех сразу, либо кого-то одного. Эти тирады были слышны каждому, и через какое-то время у нас оставалось не слишком много тайн друг перед другом. Частенько его замечания касались очень личных вещей, так что те, кто хотел быть близко к нему, нарастили себе толстую кожу. Конечно, он умел быть теплым и милым, даже с нами. Но никто ему не доверял – мы знали, что опасность всегда рядом. Алкоголь развязывает языки. Рано или поздно кто-нибудь что-нибудь брякнет и тогда лев кинется, чтобы схватить беднягу за горло. Правильные взаимоотношения между учителем и учеником должны быть словно ненавязчивая музыка. Она играет где-то фоном, никому не мешая. Каждый

знает свое место в этой мелодии и в нужных моментах попискивает с нужной громкостью.

В тишине можно есть и пить часами. И когда приходит момент, чтобы расслабиться, пошутить или спросить о чем-то, это происходит естественно. Мы любили тишину, потому что в ней было спокойствие и стресс тренировки на мгновение отступал. Вот только Сэнсэй был словно вулкан. Он не выносил стагнации и чувства безопасности, и рушил все, на чем начинала оседать пыль. Музыка взаимопонимания играла где-то фоном, но никто не чувствовал себя защищенным. Время от времени кто-нибудь совершал ошибку. Делал или говорил что-то глупое, и страшный скрежет разбивал всю предыдущую череду гармоничных звуков. Все раскрывали рты, с удивлением глядя на придурка. И потом гремел взрыв. А иногда и нет. Как тогда, когда по какому-то формальному поводу одна хихикающая мексиканка принесла на ужин два килограмма ванильного мороженого. Сладкое было в черном списке. Сладкое – это подкрепление для ребенка, детская слабость, а Сэнсэй воевал с нашим внутренним ребенком и ненавидел его ненавистью глубокой и искренней. Конечно, он был прав в этом. Каждый из нас прекрасно знает, что сахар портит зубы, ведет к ожирению и обманывает, давая временное и ложное ощущение искусственной силы. Конечно, сладости – это зло. Но сам он просто не любил сладкого. У старых японцев совсем другое отношение к вкусу. Молодых уже перемололи и изменили McDonald's и телевидение, но те, из прошлого столетия, по-прежнему едят на завтрак сырую рыбу и клейстер из риса. На уровне прагматичного понимания запретов и правил в жизни учидеши⁷ не было последовательности. С одной стороны, никакого кофе или сладкого, зато с другой – мы объедались допоздна, выпивая при этом море пива или чего только захочется. Теперь, после того как я сам много лет вел занятия в додзё, мне понятно, чего он добивался. В те времена я искал в этом рациональности и последовательности – а он инстинктивно старался установить с учеником живой контакт, который бы опирался на примитивную честность и ответственность за себя. Я много раз сравнивал это с иррациональной влюбленностью в прекрасную женщину, но не осознавал, что отношения учителя и ученика тоже должны быть естественными, как танец влюбленных. Необъяснимыми и понятными только тем, кого

---

⁷ Учидеши – ученик, который живет в додзё и занимается исключительно тренировками и поддержанием порядка («учи» в переводе с японского означает «внутри», «деши» – ученик).

коснулась эта болезнь. Мы пребывали в летаргии очарования месяцами, некоторые – годами. Наши застолья и ужины были материальной манифестацией этого состояния. Он сидел во главе стола, как вождь племени, как отец в монгольской юрте, как шеф мафиозного клана, как папа римский на Синоде, как главарь банды. Остальные усаживались согласно какой-то странной иерархии, определяемой звериным чутьем. Когда мы дошли до состояния стаи, все стало происходить естественно, даря ощущение спокойствия и осмысленности. Это был язык, понятный всем, независимо от возраста, пола, национальности, прошлого, уровня мастерства. Бок о бок сидели: снайпер американских военно-морских сил, строитель из Мексики, поэт-сантехник из Калифорнии, еврей из Нью-Йорка и историк из Польши. И все чувствовали себя одинаково.

«Сознание важнее религии» – часто говорил Чибя. Кто-то однажды сказал мне, что учидеши лучше не садиться рядом с ним. Не знаю почему, но эта информация прочно запала мне в память. Я всегда садился подальше и не спускал с него глаз. Только два раза совершил промашку и тут же дорого заплатил за это. Мало-помалу повседневная рутина становится очень предсказуемой и успокаивает, отчего возникает ложное чувство безопасности. Мне было тогда 32 года, ему – 62. Он состарился и поседел. Без кейкоги и боккэна, в потертой рубашке и сползающих джинсах он выглядел как старый дядюшка – и можно было подумать, что он милый и добродушный. Однако глаза были стальными и я чувствовал, что это добродушие бесит его, и он охотно вырвал бы его из себя и позабывал им нас.

Кажется, это произошло во время моего последнего приезда. Я поселился в додзё с неким А., албанцем из Нью-Йорка. Это был тихий, сосредоточенный человек, которого отличала балканская простота, предмет моей зависти. Создавалось впечатление, что его стремления, мысли и действия полностью совпадают друг с другом. Сэнсэй чувствовал эту его искренность, и их связь всегда была для меня образцом того, что можно создать преданностью и доверием. На мате они бились друг о друга как молот о раскаленный металл. Искры летели во все стороны. Сэнсэй кричал на него, стараясь вытащить еще больше этой честности – а тот кивал головой и старался. Позднее они никогда не говорили об этом, словно огонь, полыхавший на мате, гас сам по себе. Втроем с М. мы поехали к Сэнсэю домой, чтобы взять оттуда старый стол на замену нашему. В гостиной его дома я был несколько раз, когда меня

приглашали на официальные обеды или перекусить после работы в саду. И этот дом очень отличался от додзё.

Коты, бегающие внуки, пианино... Здесь царила какая-то уютная, теплая атмосфера, и мы все чувствовали себя свободней. Сэнсэй обычно сидел на своем месте, но тоже вел себя иначе. Мы редко бывали там, поскольку ему самому было трудно сохранять маску и убедительно играть свою роль среди развешенного после стирки белья и играющих детей. ... Итак, мы взяли стол и повезли его в додзё. Помню, как со страхом ехал в кузове того пикапа. Держался руками за столешницу и молился, чтобы нас не остановил патруль. Каких-нибудь 10 миль отсюда, в Тихуане, целые семьи ездили по автострадам, сидя в кузове, но здесь была Америка.

Отношения между учидеши были сильными и честными, но в то же время несколько детскими и незрелыми. Нам всем было по 30 лет, мы выросли в бедности Албании, Польши или Мексики; и все нашли себя в качестве учеников человека, воспитанного в убогой послевоенной Японии, которого забросило в наиболее уважаемую часть одной из самых богатых стран на свете (и нас вслед за ним). Мы инфантильным образом продолжали конкурировать между собой. В том, кто будет ближе к нему, кто сильнее, кто храбрее, кто бесшабашней. Звучит банально, но мы боролись за отцовское внимание. Возможно, эти переживания были глупыми и предсказуемыми, но нами они воспринимались острее, чем все остальное в жизни.

Притащив стол в комнату учидеши, мы ненадолго поставили его на бок, оперев на стену. И только тогда увидели два спрятанных под столешницей выгнутых прута, закрепленных там, где обычно сидел Сэнсэй. Установив стол в нормальной позиции, мы начали гадать, зачем они были нужны. Не помню уж, кто догадался первым, но в какой-то момент мы все застыли. Он держал там меч.

Дома, за обедом, – под деревянной столешницей держал руку на оружии. Как раз когда мы, обезоруженные детьми, котами и чертовым пианино, наконец, чувствовали себя в безопасности. Мы просто потеряли дар речи – так бывает, когда результат, достигнутый после многочисленных попыток, оказывается бесполезным. И еще долго, попивая пиво, пробовали уложить вакидзаси на прутьях так, чтобы можно было разрубить человека одним движением. Несколькими днями позже мы сидели вокруг нового стола на официальном ужине. История с прутьями уже была забыта, да никто из нас и не осмелился бы спросить об этом. Сэнсэй разговаривал с людьми, тихая музыка нашей зависимости мурлыкала без перебоев. Внезапно все услышали стук дерева о металлические прутья. Мы сразу же сообразили, в чем дело, и посмотрели на него. Очевидно, он машинально сунул руку под стол и наткнулся на меч, который мы по невнимательности оставили в креплениях. Все остальные продолжали есть, ничего не замечая. Сэнсэй глянул на нас мельком и понял, что мы знаем. Покивал головой, и, не глядя ни на кого, процедил, слегка разозленный: – Вижу, что догадались.

- Мы только сомневались: для меча это или для обреза, – тихо сказал А.
- Этого ты никогда уже не узнаешь, – буркнул Сэнсэй. Больше мы на эту тему не говорили.

Конечно, это все ерунда. Он не был ни главарем якудзы ни гангстером. Никогда никого не убил бы, это была просто игра. У него не было поводов держать под столом меч. И я видел, что мина разочарования, вызванного нашим открытием, была отрепетирована. Но это не важно. Может, он вообще подстроил это все специально – от начала до конца? Может, намеренно отдал нам стол, чтобы мы нашли те прутья?

В жизни учидеши граница между тем, что творится в запутанных отношениях с учителем, и тем, что напридумываешь себе за месяцы жизни в додзё, очень неопределенна. Я очень часто опасался, что сидя в одиночестве целыми днями, навывдумывал вещи, которые не имеют ничего общего с реальностью.

Отдал, продал, все, что у меня было, заморозил все социальные платежи, налоги, учебу в институте, развалил отношения с несколькими женщинами, и приехал сюда, на край света. Я ничего не оставил за собой, но, казалось, то, что тянуло меня сюда, стоило любых жертв. Тут был человек, который провел свою жизнь так, как хотелось и мне. Я настолько застрял в этом, что

терять уже было нечего. Деньги закончились, билет был просрочен. Я перестал раздумывать и полностью посвятил себя тренировке. Теперь каждое его замечание было не просто технической поправкой, а атакой на всю мою жизнь и все мои решения. Помню одинокие ночи, бессонные от усталости и избытка мыслей. Ночи, во время которых странные птицы, вытканые на соломенном коврикe возле моей кровати, оживали. Помню, как одна из них пробовала взлететь на одном здоровом крыле; все остальное гнило, превращаясь в месиво, из которого торчали переключенные кости. Что из всего этого рождалось в моей голове, а что – происходило в самом деле?

Однажды, после занятий, я крутился в кухне. К столу, как обычно, пришел последний и никто не обратил на меня внимания. Все ели и пили пиво. Я сел у торца деревянной столешницы, напротив беседовавшего с кем-то Чибы Сэнсэя. Посреди разговоров бессознательно взял бутылку пива, открыл ее и начал пить. Нападение, к которому я был абсолютно не готов, последовало незамедлительно.

– Не пей из бутылки как животное! Налей в стакан!

Он кричал на меня какое-то время, а я осознал, что пока был занят на кухне, не слышал, о чем шел разговор. По-видимому, о питье из бутылок. Получил выволочку, и в этом не было ничего особенного. Не первый и не последний раз. Перелил пиво в стакан, извинился и пил дальше. Прошло несколько лет. Вернулся туда и вновь несколько месяцев находился на самом конце пищевой цепочки додзё. В тот день, история – как это было десятки раз – повторилась. Снова последним уселся за столом, напротив ведущего беседу учителя. Возможно, на память мне пришла та история со стаканами? Огляделся, сам не привлекая ничьего внимания. Сэнсэй потягивал вино, а все вокруг пили пиво из бутылок. У меня опустились руки. Это бессмысленно. Я прекрасно помнил прошлую ситуацию. Аргументы за то, что пиво следует пить из чертового стакана. А теперь все эти люди, пожирающие его глазами, отхлебывают пиво прямо из бутылок?

И вот тут, на конце стола сидит конченный дурак. Первый поляк, который приехал в Америку тратить деньги, а не зарабатывать. Дебил, который снова влез в долги и снова порвал с какой-то наивной. Которому по возвращению опять будет негде жить и нечего делать. А здесь все ерунда, сумбурное разыгрывание какой-то роли. Я взял в руку бутылку и открыл ее. Все было

глупо до абсурда. Посвятил этому цирку всю свою жизнь, а это только игра... Маленький польский гном в моей голове развлекался вовсю. Не знаю даже, откуда и в какой момент появилось немного силы. К черту это все. Не для него, не для них. Немножко последовательности для себя самого. Иначе не останется ничего, за что можно уважать себя. Встал и безразлично пошел на кухню. Окруженный гомоном, налил пиво в стакан и поднял его.

Во всем этом гаме, посреди болтовни и стука бутылок, Чибэ Сэнсэй сидел неподвижно и смотрел мне прямо в глаза. Я опустил стакан. Он поднял руку и указал на меня пальцем. Разговоры враз утихли.

- Ты помнишь, – сказал, медленно цедя слова. – Вот он – тот самый момент. Это важно.

Королевство пыли, 2018

Имя Петра Машталежа известно любителям айкидо во всем мире. Признанный мастер, обладатель шестого дана, он всю свою жизнь посвятил этому виду боевого искусства. Помимо собственного додзё во Вроцлаве (Польша), куда ежедневно приходят его ученики всех возрастов – от 2 лет до 60, он проводит тренировки и семинары во многих странах мира, в том числе в России, Белоруссии и Казахстане.

Главным учителем Петра Машталежа был Чибэ Сэнсэй – человек, одинаково знаменитый как своим мастерством, так и сложным характером, что превращало жизнь его студентов в полное острых ощущений приключение. Чибэ Сэнсэй был одним из немногих близких учеников Уесибы Сэнсэя, который, собственно, и создал айкидо.

Книга «Королевство пыли», изданная в Польше в 2018 году, отнюдь не является пособием по айкидо и потому будет интересна не только адептам этого вида единоборства. Прежде всего – это книга о том глубинном смысле, который заложен в айкидо; о сути взаимоотношений ученика и учителя; о становлении личности, которая познает свои слабые и сильные стороны на пути, полном преданности и самопожертвования. При этом книга написана легко и динамично, без морализаторства и

прившихся штампов. Ее отличают открытость и честность, – качества, которые высоко ценятся в мире айкидо.